

УДК 81'367.625=161.1
DOI 10.52452/19931778_2022_1_154

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВИДА И СПОСОБОВ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГЛАГОЛОВ С СЕМОЙ «ЭМОЦИЯ»)

© 2022 г.

Ю.Р. Третьякова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь

yulechka.filipchik1@mail.ru

Поступила в редакцию 30.08.2021

Целью данной статьи является описание категории вида и способов глагольного действия как отдельных языковых феноменов в их разности и схожести. В качестве основных методов исследования выступили сопоставительный, трансформационный методы, компонентный анализ и метод словарных дефиниций.

В статье описана категория вида как классифицирующая грамматическая характеристика глагольной лексики, проанализированы механизмы образования видовой пары. Охарактеризованы способы глагольного действия как семантико-словообразовательная категория, отличающаяся собственной факкультативностью. Представлены способы глагольного действия русскоязычной эмотивной лексики, выделены новые семантические группы дериватов. Автор описывает соотношение категории вида и способов глагольного действия, отмечая как факты их сосуществования, так и явления взаимоисключения.

Ключевые слова: вид, способы глагольного действия, видовая пара, эмотивная глагольная лексика, классифицирующая категория, словоизменительная категория.

Введение

Глагольная лексика представляет собой особый тип лингвокогнитивной категоризации информации, полученной из окружающего мира в результате познания как этого мира, так и самого себя. Специфика данного средства вербализованного упорядочивания обусловлена способностью отражать последовательную смену явлений, длительность и характеристику действия с точки зрения его протекания во времени, что становится объектом изучения в рамках функционально-семантической категории аспектуальности. Аспектуальная характеристика глагольных единиц реализуется на грамматическом (вид), лексико-семантическом (способы действия), контекстуальном (адвербиальные слова и словосочетания, вспомогательные единицы в структуре составного предиката, целые синтаксические конструкции) уровнях. В качестве ядра полевой структуры аспектуальности выступает грамматическая категория вида, споры вокруг которой, особенно в контексте ее рассмотрения в одном ряду со способами глагольного действия, не утихают и по сей день. В статье охарактеризуем данные понятия как основные инструменты описания русскоязычной глагольной лексики с точки зрения их подобия, разности и взаимодействия, а также попытаемся порассуждать над некоторыми дискуссионными вопросами.

Результаты и их обсуждение

Одной из наиболее актуальных проблем русской грамматической системы становится выработка механизма, алгоритма формирования видовой пары как двух коррелирующих по указанному грамматическому признаку глагольных единиц. В этом ключе достаточно авторитетным признается «критерий Маслова» [1, с. 48–65]. Суть методики опирается на семантическое наполнение совершенного вида (далее – СВ) – событийность. В случае обозначения глаголом несовершенного вида (далее – НСВ) тождественного совершенному событийного значения образуется коррелирующая пара. Данное семантическое равенство подтверждается практически в том случае, когда возможна замена глагола СВ глаголом НСВ с сохранением всей специфики значения (событийности) при описании повторяющегося действия и повествовании в настоящем историческом времени (*praesens historicum*). Образование двух контекстов для исследуемой глагольной единицы необходимо, так как соблюдение одного из условий не является свидетельством видовой корреляции, и даже наоборот, наряду с абсолютной невозможностью трансформации контекста выступает как опровержение способности искомым единицы вступать в парные видовые отношения. Обратимся к контексту употребления глагола СВ

соблазнить: «Чем там змей Еву **соблазнил**, не помните?» [2]. С учетом указанных условий трансформируем синтаксические конструкции и получаем предложения типа «Каждый раз, когда змей **соблазнял** Еву...» и «**Соблазняет**, бывало, змей Еву...». Исходный эмотив СВ *соблазнить* не вступает в отношения семантической тождественности с итеративом и глагольной единицей настоящего исторического времени, в связи с чем не коррелирует с суффиксальным дериватом в рамках категории вида. Объяснение разности семантики кроется в событийности как основном значении глагола СВ, выступающем в конкретно-фактическом формате, т.е. в виде единичного события, предполагающего некоторый предел – темпоральную границу либо результат. Видовая корреляция в данном случае предполагает обнаружение данного предела (результата) и в деривате НСВ. Единица *соблазнять* в контексте исторического настоящего времени обозначает не событие, а процесс: змей соблазнял Еву, но соблазнил ли он ее? Результативный семантический компонент в глагольной производной не подразумевается, что, логично, исключает возможность образования видовой пары в данном случае. Однако в лексикографической литературе наблюдается иная ситуация: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [3] и «Современный толковый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой [4], дефинируя глагол *соблазнить*, делают отсылку к глаголу НСВ *соблазнять*, что указывает на видовую корреляцию между единицами и выступает в роли косвенного свидетельства тождественности их значений. Подобная морфологическая непоследовательность лишь подтверждает множественность подходов к определению категории вида и видовых отношений.

Рассмотрим словообразовательную пару *оскорбить* – *оскорблять* [5]. Оригинальный контекст употребления глагольного эмотива выглядит следующим образом: «Гамлет-художник не жалел Гамлета-человека, когда тот **оскорбил** красоту» [2]. Производим замену исследуемого предиката и получаем синтаксические конструкции «Гамлет-художник не жалеет Гамлета-человека, когда тот регулярно **оскорбляет** красоту» и «Гамлет-художник не жалеет Гамлета-человека, когда тот **оскорбляет** красоту». Данные примеры, в отличие от предыдущих, репрезентуют более последовательную ситуацию и сигнализируют о событийности, обозначаемой предикатами как СВ, так и НСВ (Гамлет-художник не пытается оскорбить, а оскорбляет (результат)), в результате чего образуется видовая пара. Морфологи-

ческие и семантические характеристики, представленные в толковых словарях [3, 4, 6], подтверждают факт видовой корреляции. Исследование синтаксических конструкций, идентичных предыдущим контекстам, показало, что пары *отчаяться* – *отчаиваться*, *удручить* – *удручать*, *доверить* – *доверять*, *огорчить* – *огорчать* [5] также возможно отнести к видовым.

Проанализированные выше примеры демонстрируют процесс имперфективации (в некоторых случаях неподтвержденной) посредством суффиксации. Обратимся к словообразовательным парам процесса обратной направленности – перфективации, осуществляемой присоединением суффиксов. Контекст глагольного эмотива СВ *крикнуть* «Старшина схватился за автомат, но командир рядом паническим голосом **крикнул**» [2] при замене исследуемого предиката итеративом и глаголом в *praesens historicum* выглядит следующим образом: «Каждый раз, когда старшина хватается за автомат, командир рядом паническим голосом **кричит**...»; «Бывало, старшина хватается за автомат, но командир паническим голосом **кричит**...». В принципе, замена в данном случае абсолютно допустима. Однако каким образом расценивать внесение в структуру глагольного деривата *крикнуть* семельфактивного семантического компонента [7], который воспринимается носителем языка на интуитивном уровне? Естественно, существенность модификации лексического значения в совокупности с отсутствием в семантическом поле глагола НСВ такой точки, после которой процесс исчерпывает себя и должен прекратиться, свидетельствуют об исключении факта видовой корреляции между глаголами *кричать* – *крикнуть*. Точно таким образом деривационные структуры *хвастать* – *хвастануть*, *пугать* – *пугнуть* [5] мы не можем рассматривать в качестве видовых пар и относим члены данных конструкций к отдельным, не соотносимым друг с другом глаголам – носителям определенного видового значения.

В данном контексте обращает на себя внимание словообразовательная пара *улыбаться* – *улыбнуться* [5]. С одной стороны, семельфактивное значение [7] деривата *улыбнуться* достаточно ощутимо, но одновременно глагол НСВ *улыбаться* с точки зрения собственной семантики воспринимается как реакция на некоторое положительное событие, а реакция, в свою очередь, предполагает некоторый предел. Учитывая данный факт, а также последовательное употребление отсылок к единице НСВ в лексикографической литературе [3, 4, 6], свидетельствующих о семантической близости, можем утверждать, что пара *улыбаться* – *улыбнуться* является видовой.

Процессы перфективации, организованные посредством префиксации, вызывают большее количество противоречий. Так, пара *ласкать* – *поласкать* выглядит очень неоднозначно. Предложение «*Левин сам погладил и поласкал руками свое тело, зашедшееся от усталости*» [2] с эмотивным глаголом СВ трансформируется с учетом «критерия Маслова» в синтаксические конструкции «*Каждый раз Левин сам гладил и ласкал руками свое тело, зашедшееся от усталости*» и «*Левин сам гладит и ласкает руками свое тело, зашедшееся от усталости*». Глагол НСВ *ласкать* не предполагает выражения значения событийности, а является процессом, что препятствует образованию видовой пары. К тому же при обращении к толковым словарям мы наблюдаем отсутствие отсылок к беспрефиксальному производящему компоненту, свидетельствующее о нетождественности лексических значений потенциально коррелирующих в рамках вида глагольных единиц: дефиниции префиксального деривата указывают на аттенуативный ('несколько приласкать' [3]) и делимитативный ('провести некоторое время, лаская кого-нибудь' [3]) семантические компоненты [7].

Обратимся еще к одной префиксальной структуре той же словообразовательной модели *нравиться* – *понравиться*. Контекст употребления единицы СВ «*Когда я увидела его в первый раз, он совершенно мне не понравился*» [2] трансформируется в конструкции «*Каждый раз, когда я его вижу, он совершенно мне не нравится*» и «*Помню: я вижу его, а он совершенно мне не нравится*», которые доказывают факт видовой корреляции между членами словообразовательной пары, что находит свое отражение в лексикографической литературе при попытке анализа дефиниции префиксального деривата [6]. Однако в некоторых научных источниках толкования значений слов отмечаются ингрессивный семантический компонент ('прийтись кому-либо по вкусу, по нраву' [3, 4]) и значение каузатива ('вызвать чувство симпатии, расположить к себе' [3, 4]). Аналогично к видовым парам, подтвержденным в рамках трансформаций по «критерию Маслова», а также семантическими возможностями глагольного эмотива НСВ, можно отнести деривационные конструкции *ссорить* – *поссорить*, *глумиться* – *поглумиться*, *радовать* – *порадовать* [5] и др.

Таким образом, префиксация нередко провоцирует внесение важных семантических корректировок по сравнению со значением исходной единицы. Однако в рамках образования видовой пары некоторые исследователи отмечают чистовидовой («пустой») характер префикса:

«Бесприставочная основа обозначает это действие как длительное, в процессе совершения, а основа с чистовидовой приставкой выражает внутренний предел, границу этого действия, его естественный исход» [8, с. 472]: *делать* – *сделать*, *красить* – *покрасить*, *строить* – *построить* [5] и т.п. Однако приведенные примеры в ключе феномена «пустого» префикса достаточно спорны, так как глаголы *сделать*, *покрасить*, *построить* содержат в собственном семантическом поле не просто предел, а указание на результат, полученный по окончании действия, т.е. на нечто, что остается после действия. Данный факт свидетельствует о явлении «запроцессуальной семантики», свойственной префиксальному деривату. В подтверждение вышесказанного приведем слова Ю.С. Маслова, который, отрицая явление чистовидовых приставок, писал: «...пустые приставки... суть ... носители значения определенного способа действия, именно ... “общерезультативного”» [1, с. 213].

Само определение значения вида у глагольной единицы зачастую не отличается сложностью, так как происходит у носителей языка на интуитивном уровне с момента формирования речевых навыков в развитии мышления и коммуникации. Употребление глагола определенного вида происходит автоматически, чего нельзя сказать об определении состава видовой пары. Последний вопрос, как мы уже успели убедиться, характеризуется множеством противоречий и нестыковок в лингвистической традиции. Все семантические расхождения / сходства, наблюдаемые между компонентами потенциально организованной видовой пары и проявляющиеся в различной степени, провоцируют одну из наиболее актуальных проблем теории аспектуальности, сформулировать которую можно следующим образом: к какой грамматической категории относится категория вида – словоизменяющей или словообразовательной (классифицирующей)? Члены одной видовой пары являются формами одного исходного слова или разными лексемами? Однозначного ответа мы не можем получить: одни исследователи причисляют категорию вида к словоизменяющей [8–11], приводя в качестве основных аргументов тождественность лексических значений членов видовой пары и факты неполноты и разности грамматических парадигм (отсутствие форм настоящего времени у глаголов СВ, различия в парадигмах будущего времени (простые/сложные формы)), что нарушает принцип морфологической унификации, заключающийся в относительном единообразии грамматических парадигм в рамках одной части речи. Но как

тогда рассматривать префиксацию, некоторые разновидности суффиксации, провоцирующие зачастую значимые семантические модификации? И если степень выраженности семантических отличий в рамках префиксации достаточно просто поддается изучению и классификации, то с суффиксацией дело обстоит гораздо сложнее (*кричать* – *крикнуть* / *улыбаться* – *улыбнуться*), особенно это касается образования дериватов НСВ от глаголов СВ (*соблазнить* – *соблазнять* / *оскорбить* – *оскорблять*). Отсюда абсолютно логичным выглядит возникновение следующей теории – некой промежуточной точки зрения [1, 12], заключающейся в признании процессов перфективации разновидностью словообразования, а явлений имперфективации – словоизменением. Однако анализ потенциальных видовых коррелятов свидетельствует о том, что суффиксация также обладает потенциалом введения значимых семантических корректировок в структуру значения деривата. Даже исключение из семантического поля производящей единицы элемента предельности является подтверждением нетождественности исходному слову, в связи с чем более логичным, на наш взгляд, выглядит теория определения вида как классифицирующей категории [13]. К тому же при восприятии вида как словоизменительной категории суффиксы и префиксы выступают в роли формообразовательных аффиксов, что несвойственно грамматической системе русского языка. При этом, придерживаясь мнения о признании вида словообразовательной категорией, необходимо учитывать, что в силу достаточно частого неформирования видовых пар как от исходных глаголов НСВ, так и от производящих лексем СВ синтагматические словообразовательные структуры (пары, цепочки) нередко характеризуются как дефектные.

Таким образом, категория вида – это грамматическая (словообразовательная) категория, которая указывает на характер протекания действия посредством его отношения к дихотомии «наличие/отсутствие» внутреннего предела, или, как определяет основной дифференцирующий семантический признак Ю.С. Маслов, «наличие/отсутствие» значения неделимой целостности [1]. Однако помимо семантического маркера в роли средства, определяющего видовое соотношение глагольной единицы, может выступать контекст. Так, в лингвистической практике словообразовательные конструкции типа *видеть* – *увидеть* исключаются из круга видовых пар, что продиктовано лексико-денотативными особенностями глагола НСВ, прямое номинативное значение которого выражает постоянное свойство человека (способ-

ность видеть), а префиксальное производное – конкретное действие, направленное на определенный объект с целью его познания органами зрения. Однако как рассматривать глагольную единицу НСВ в контексте «*Тем, кто не видел, обязательно стоит посмотреть, хотя бы один раз!*» [2]? Глагол *видеть* помимо нерушимого свойства, присущего некоторому живому организму, может обозначать конкретное целенаправленное действие, о чем и свидетельствует приведенная синтаксическая конструкция. Другими словами, лексическая единица *видеть*, являясь многозначным словом (1. ‘иметь зрение – одно из пяти основных чувств, посредством которого человек воспринимает мир’; 2. ‘зрительно, интеллектуально и эмоционально воспринимать что-либо; смотреть’ и др. [4]), обладает несколькими смысловыми центрами, каждый из которых потенциально может являться членом видовой пары, что зачастую определяется в контексте.

Достаточное количество спорных вопросов вокруг категории вида обусловлено ее корреляцией со способами глагольного действия (далее – СД). Различия между ними попытался сформулировать шведский языковед С. Агрелль: «Под способом действия я подразумеваю не две основные категории славянского глагола, не формы, обозначающие незаконченные и законченные действия (имперфективный и перфективный глагол), – эти категории я называю видами. Термином способ действия я обозначаю «...» семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» [14, с. 36]. Следовательно, СД нюансируют основное лексическое значение производных единиц, подчеркивая доминирование семантического критерия в отвлечении от формальных средств выражения данных способов, что является основным фактором отграничения СД от словообразовательных типов, сформированных на основе регулярности словообразовательного форманта и деривационного значения. В отличие от категории вида СД, охватывая лишь часть глагольной лексики, выступают как факультативные характеристики.

Из вышеуказанного следует, что под СД следует понимать семантические классы русскоязычных глаголов, выражающие характер протекания обозначаемого ими действия в ключе темпоральных, градуальных, квантитативных и результативных характеристик. Представим СД лексем с семантикой эмоционального состояния (см. табл.) [3, 4, 6, 7, 13].

Таблица

Способы глагольного действия русскоязычных эмотивов		
Морфемная маркированность	Способ глагольного действия	Примеры
Характеризованные СД	<i>I. Временные модификации</i>	
	1. Начинательный (инхоативный) СД	<i>заволноваться, загрустить</i>
	2. Делимитативный СД	<i>погрустить, поплакать</i>
	3. Пердуративный СД	<i>прогрустить, проплакать</i>
	4. Финитивный СД	<i>доругать, отгрустить</i>
	<i>II. Количественные модификации</i>	
	1. Семельфактивный СД	<i>крикнуть, пугнуть</i>
	2. Фреквентативный СД	<i>хвалить, крикивать</i>
	<i>III. Модификации по степени интенсивности</i>	
	1. Сатуративный СД	<i>занежить, изозлиться</i>
	2. Аттенуативный СД	<i>подвеселить, пригрозить</i>
	3. Кумулятивный СД	<i>набезобразничать, набеситься</i>
	<i>IV. Результативные модификации</i>	
	1. Собственно результативный СД	<i>испугать, отблагодарить</i>
	2. Арезультативный СД (введено нами)	<i>недострадать</i>
	3. Аннулирующий СД (введено нами)	<i>разлюбить</i>
	<i>V. Характер взаимоотношений субъекта и объекта действия</i>	
	1. Дистрибутивный СД	<i>перецеловать, пообидеть</i>
	2. Взаимный СД	<i>переругиваться, целоваться</i>
	3. Совокупный СД (введено нами)	<i>сопереживать, сострадать</i>
4. Доминантный СД (введено нами)	<i>перекричать, переорать</i>	
<i>VI. Комплексные модификации</i>		
1. Ингрессивный СД	<i>обрадоваться, погрустнеть</i>	
2. Интенсивно-результативный СД	<i>измаяться, измучиться</i>	
3. Прерывисто-смягчительный СД	<i>побаиваться, подсмеиваться</i>	
4. Интенсивно-ингрессивный СД	<i>взволноваться, взрветь</i>	
Нехарактеризованные СД	<i>VII. Динамические модификации</i>	
	1. Статальный СД	<i>грустить, ненавидеть</i>
	2. Эволютивный СД	<i>плакать, ругать</i>

Важно отметить, что инхоативный и ингрессивный СД, рассматриваемые в тематической группе начинательного способа, согласно некоторым источникам, выступают как синонимичные, однако это не совсем корректно. Инхоативные глаголы содержат семантику «чистой» начинательности длительного явления, не предполагающего некоторого предела (финитивной либо результативной точек). Ингрессивные глаголы, в свою очередь, демонстрируют одновременно начало и результат действия, т.е. достижение некоторого предела в виде результата в процессе возникновения состояния [7, 15, 16]. Таким образом, есть все основания рассматривать ингрессивный СД как комплексную семантическую модификацию.

Анализ представленной таблицы демонстрирует высокий потенциал префиксации в рамках образования лексем, характеризующих СД. Однако реализация квантитативных видоизменений значения исходной глагольной единицы (семельфактивный, фреквентативный СД) происходит за счет суффиксальных словообразовательных средств. При этом важно отметить, что в современном русском языке выделяются СД, не характеризующиеся общим морфемным при-

знаком и содержащие классифицирующее значение в самом корне (нехарактеризованные СД).

Отнесение глагольной единицы к определенному СД никоим образом не исключает включение деривата в структуру видовой пары. Словообразовательная пара может представлять собой как видовую оппозицию, так и мотивирующее слово с его СД в случае гомологии семантических отношений между ними. Так, дериват *понравиться* одновременно является видовым коррелятом производного слова *нравиться* и его ингрессивным СД. Аналогичную ситуацию демонстрирует словообразовательная пара *улыбаться – улыбнуться*. Однако в деривационных структурах *кричать – крикнуть*, *хвастать – хвастнуть* производный компонент характеризует действие по способу его протекания, видовая пара не формируется ввиду отсутствия в семантическом поле единицы НСВ событийного компонента. Также словообразовательные пары могут отражать лишь категориальное соотношение членов видовой оппозиции: *отчаяться – отчаиваться*, *удручить – удручать*, *доверить – доверять*, *огорчить – огорчать* и др. Интересной в этом смысле представляется бинарная конструкция *соблазнить –*

соблазнять, не выступающая ни в качестве видовой пары, ни производно-производящей конструкции с последующим выражением СД.

Заключение

Таким образом, вид представляет собой обязательную грамматическую категорию, относящуюся к классу глагольной лексики и репрезентирующую значение исчерпанности целенаправленного действия, которое, достигнув некоторого предела, должно исчезнуть. При этом и непредельное свойство в своей не обобщенной, а контекстно обусловленной конкретной интерпретации может обретать некоторую внутреннюю границу и образовывать видовую пару. Градация степени проявления семантических различий внутри потенциальной видовой оппозиции (отношения тождественности исключаются) провоцирует внесение противоречий в определение характера происходящих модификаций внутри категории: категория вида перестает быть целостной и однородной, что является доказательством скорее ее классифицирующего характера, чем словоизменительного. Ведь признание одного и того же признака (степени проявления семантической модификации) дифференцирующим как между различными категориями (видом и СД), так и внутри одной видовой категории, подразумевающим ее деление на две подкатегории – словоизменительную и словообразовательную, препятствует адекватному восприятию категории вида в процессе обучения.

При всем множестве неоднозначных и нерешенных вопросов, сопряженных с категорией вида, необходимо отметить ее достаточно парадоксально простое восприятие, ощущаемое носителем языка на интуитивном уровне еще с раннего детства в рамках формирования у субъекта коммуникативной деятельности языковой картины мира, детерминированной лексикой и грамматикой родного языка. Такое генетическое впитывание вида не характерно для его смежной семантико-словообразовательной категории – СД. Данные категории могут вступать в отношения взаимного исключения (интенсивно выраженные семантические модификации соотносят дериват со СД, но препятствуют образованию видовой пары, и, наоборот, высокая степень семантической схожести обуславливает образование видовой пары и не классифицирует

дериват по СД) и сближения, способствующего сосуществованию обеих категорий в рамках одной словообразовательной пары при условии их категориального сходства. Взаимодействие категории вида и СД является сложным вопросом русской аспектологии, ввиду чего требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 264 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.08.2021).
3. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. 4 т.
4. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: АСТ, 2006. 3 т.
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1985. 2 т.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд. 18-е., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
7. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
8. Тихонов А.Н. Видовые корреляции в современном русском языке // В сб.: Типология вида: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. М.Ю. Черткова. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 466–477.
9. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., Л.: Учпедгиз, 1947. 640 с.
10. Черткова М.Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 150 с.
11. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 2001. 288 с.
12. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
13. Русская грамматика: в 2 т. / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
14. Агрель С. О способах действия польского глагола // В сб.: Вопросы глагольного вида / Под ред. Ю.С. Маслова. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 35–38.
15. Фортунатов Ф.Ф. Разбор сочинения Г.К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке» // Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г. СПб.: Тип. Импер. АН, 1899. Т. 64. Приложение 11.
16. Ульянов Г.К. Основы, обозначающие различие по видам // В кн.: Значение глагольных основ в литовско-славянском языке: в 2 ч. Варшава: Тип. Варшав. учеб. корп., 1895. Ч. 2. 341 с.

**ON THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN THE SPECIES CATEGORY
AND THE METHODS OF VERB ACTION
(ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN-LANGUAGE VERBS WITH THE SEME «EMOTION»)**

Y.R. Tretyakova

The purpose of this article is to describe the species category and the methods of verb action as separate linguistic phenomena in their differences and similarities.

The main research methods were comparative, transformational methods, component analysis and the method of dictionary definitions.

The article describes the species category as a classifying grammatical characteristic of the verb vocabulary, analyzes the mechanisms of the formation of a species pair. The methods of verb action are characterized as a semantic-word-formation category, which is described as optional. The methods of verb action in the Russian emotive vocabulary are presented. Also new semantic groups of derivatives are highlighted. The author of the article describes the relationship between the species category and the methods of verb action, noting both the facts of their coexistence and the phenomenon of mutual exclusion.

Keywords: the species category, methods of verb action, a species pair, emotive verb vocabulary, classifying category, inflectional category.

References

1. Maslov Yu.S. Essays on aspectology. L.: Publishing House of the Leningrad University, 1984. 264 p.
2. The National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. Access mode: <https://ruscorpora.ru> (Date of access: 25.08.2021).
3. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. / Edited by D.N. Ushakov. M.: Soviet Encyclopedia: OGIz, 1935–1940. 4 vols.
4. Efremova T.F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes. M.: AST, 2006. 3 vol.
5. Tikhonov A.N. Word-formation dictionary of the Russian language: in 2 volume. M.: Russian language, 1985. 2 vol.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by N.Y. Shvedova. Ed. 18., stereotype. M.: Russian language, 1986. 797 p.
7. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Introduction to Russian aspectology. M.: Languages of Russian culture, 2000. 226 p.
8. Tikhonov A.N. Species correlations in modern Russian // In the collection: Typology of the species: problems, searches, solutions / Ed. by M.Y. Chertkov. M.: Languages of Russian culture, 1998. P. 466–477.
9. Vinogradov V.V. Russian language: Grammatical teaching about the word. M., L.: Uchpedgiz, 1947. 640 p.
10. Chertkova M.Y. Grammatical category of the species in modern Russian. M.: Moscow University Press, 1996. 150 p.
11. Shelyakin M.A. Russian functional grammar. M.: Russian language, 2001. 288 p.
12. Bondarko A.V. The type and tense of the Russian verb (meaning and usage). M.: Prosveshchenie, 1971. 239 p.
13. Russian grammar: in 2 vols. / Editorial Board: N.Y. Shvedova (Chief editor) [et al.]. M.: Science, 1980. Vol. 1. 784 p.
14. Agrell S. On the ways of action of the Polish verb // In the collection: Questions of the verb form / Edited by Y.S. Maslov. M.: Publishing House of Foreign Literature, 1962. P. 35–38.
15. Fortunatov F.F. Analysis of G.K. Ulyanov's essay «The meaning of verbal bases in the Lithuanian-Slavic language» // Report on the award of the Lomonosov Prize in 1895 St. Petersburg: Imperial Printing House, 1899. Vol. 64. Appendix 11.
16. Ulyanov G.K. Bases denoting differences by types // In the book: The meaning of verbal bases in the Lithuanian-Slavic language: in 2 hours. Warsaw: Printing house of the Warsaw Academic Building, 1895. Part 2. 341 p.